

ГЛАВА 1

ЖЕНЩИНА-ИЗГОЙ

Под дружный стук металлических ложек Стас жевал пресную кашу. Это был высокий худощавый парень, не широкий в плечах, но и не хилак. Прямые русые волосы свисали на глаза наглой шальной челкой. Алицо сберегло мягкие черты, почти детские, почти нежные, несмотря на юношеский возраст. В пору бы и огрубеть. Губы пухлые — такие нравились девчонкам. (Откуда он это взял? Хранилось в памяти из прошлой жизни: кто-то когда-то сказал ему это.)

Есть хотелось постоянно. Стас уже и не помнил — как это не думать о еде. Постоянно представляя себе разнообразные блюда, вспоминал былые праздники: свадьбы, дни рождения, Новый год, пикники с шашлыками и т.п., — столы ломились от яств. А тут каша! Такая безвкусная, что ее приходилось заталкивать в себя силой. Похоже, соль в нее не клали вообще. Здравый смысл говорил: необходимо жрать, поддерживать в себе жизнь. Комендант твердил: подобный рацион — это все, что он может дать жителям убежища. Дескать, надо думать о будущем, надо экономить. И так изо дня в день.

Невыносимо скучная и однообразная жизнь в убежище тянулась медленно, как кисель. Каждый исполнял порученные ему монотонные функции. В обязанности Стаса, например, входила вахта у дежурной буржуйки, где хранили огонь, как в первобытном обществе. Назначили его на эту должность еще подростком, да так и закрепилось за ним. В пору бы уже доверить другой труд, выход в мир, например, для поиска всяких полезных для обитателей убежища вещей. Ведь не желторотик уже — в подземелье быстро взрослеют.

Зачем беречь очаг? Спички, что ли, в дефиците? В определенном смысле, да. Запасы предметов первой необходимости убывали медленно, но безвозвратно. И Комендант вводил новые, все более жесткие правила выживания. Одно из них — хранение очага — огонек всегда под рукой на все случаи жизни. В свободные от дежурства дни Стас слонялся по отсекам убежища, валялся на нарах, лениво беседовал с другими обитателями подземелья. Разговоры велись об одном и том же: как хорошо жилось до войны.

Скучно, невыносимо скучно! Некоторое время воображение будоражили разнообразные страшилки о наземных мутантах, заполонив-

ших постыдный мир. Но потом некоторые авторитетные мужики, пользовавшиеся правом выхода на поверхность, убедили парня, что все эти байки — брехня, так сказать, постапокалиптический фольклор, «понты» для приезжих. Надо же народу чем-то тешиться! Из вымирающей наземной живности остались лишь крысы да вороны. Им радиация нипочем. Да еще можно тощего пса встретить, обычно шарахающегося от человека как от огня. Ведь в условиях глобального продуктового дефицита шашлык из собачатины сойдет за редкий деликатес! Другие же мужики утверждали, что, дескать, дыма без огня не бывает, а значит, мутанты существуют. Хотя их и не так много, как описывает не обделенный творческим воображением, любящий приуврасть и приукрасить народ-выдумщик.

Даже сдружиться по интересам, по общности мировоззрения и мечтаний не с кем! Во всем убежище обитал только один сверстник Стаса — Димка Цикада, музыкант, подававший надежды в довоенный период. (Да и тот был старше его на три года). Его драгоценная гитара с капроновыми струнами, давно зачехленная, пылилась на полке. А жаль! Поначалу Димка доставал ее вечерами, и обитатели убежища замирали под завораживающие переборы. Петь гитарист не умел, или, точнее говоря, не любил — голос у него был посредственный. Но когда касался струн — мгновенно преображался, превращался в виртуоза. Он не просто брэнчал банальные три аккорда, как пацаны в подворотне, а выдавал разнообразные импровизации. Стасу больше всего нравились испанские мотивы. В них бурлила стихия жизни, страсти, борьбы, любви, ревности. Цикаду так и прозвали — Маэстро. Создавалось впечатление: не на гитарных струнах играет, а на струнах сердец. Затаив дыхание, слушатели боялись пошевелиться. В памяти всплывали картины прошлой жизни, которая никогда больше не вернется; картины былого человечества, канувшего в Лету. Убогий мир подземелья расплывался от нахлынувших слез. Кто-то смахивал их украдкой, как Стас. Но многие не стеснялись. Привилегий в этом замкнутом мире осталось мало. Одна из них — право на слезы.

А Димка и впрямь носил в груди удивительно талантливое сердце. И красота его игры напоминала обитателям убежища, что они люди и что так много сокровищ таится в существе, называемом человеком.

Стас не раз пробовал подружиться с Димкой, но тот держался особняком. Вряд ли он считал свою одаренную персону выше прочей людской серости. Просто в нем словно что-то надломилось, и слонялся он по отсекам «на автопилоте», отрешенный, как зомби. Особенно в последнее время, когда ему запретили играть утопическую буржуазную музыку, подрывающую дух масс. Был разрешен «Интернационал» и тому подобное. А разве это музыка? Глаза Маэстро потускнели, словно в нем выключили внутренний свет.

И только одно сближало молодых людей: как-то Димка рассказал Стасу, что мечтает покинуть убежище и отправиться в Киев. Эта авантюра казалась настолько захватывающей, что стоило рискнуть! А почему в Киев? Маэстро утверждал, что в Киевском метрополитене сохранилась нормальная жизнь, как до войны. И там обязательно найдется место для его дарования. Мыслишка отправиться на поиски счастья нравилась Стасу. Это намного лучше, чем гнить в мирке Коменданта без всякой будущности. Но ведь Димка-то такой инфантильный, вялый! Разве с таким кашу сварить? И Стас плюнул на него — этот музыкантишка просто редкая зануда!

Создавалось впечатление, что мрачное подземелье гасило всякий огонек надежды. А легко ли жить без света? Холодно, неуютно под гнетом полумрака! И такая же атмосфера царила в душах обитателей убежища.

Раньше, бывало, люди долгими вечерами развлекались анекдотами и курьезами из жизни. Смех всегда помогал преодолевать трудности. И после подобных вечеров юмора обитатели убежища обретали драгоценные крупички оптимизма, помогающие жить. Но потом Комендант запретил собрания. Ему не нравилось, когда люди кучкуются вместе, ободряются, преодолевают чувство полной безысходности. Наверное, в подобных сборищах местный царек усматривал потенциальную угрозу. Ему не хотелось, чтобы в убежище зародилась сила, способная тягаться с его партией. Поэтому всякая праздная народная сходка более трех человек считала незаконной.

У Стаса осталась лишь одна отдушина — книги. И когда удавалось раздобыть во временное пользование какую-нибудь очередную потрепанную книжицу с засаленной обложкой, он заваливался на полку и покидал ее только для приема пищи да по нужде. Таким макаром перелопатил наш книголюб не один десяток томов. Даже его лексикон изменился. Вместо слов «на фиг», «по фиг», «на хрен», «блин» стали проскакивать «ипохондрический», «меркантильный», «пасторальный», «фабульный», «антагонизм», «эзотерика». Когда Стас употреблял подобные слова, мужики хмурились, приговаривая: «Эй, не при детях, баламут!». А когда к слову назвал их гетеросексуалами, так вообще побить хотели.

Потом опять наступала скука.

— Что рожа такая кислая? — спросил пожилой мужичок, можно сказать, дед, жрущий кашу напротив Стаса. — Еда не нравится? А ведь, как говорится, «каша — мать наша»!

— Ох, смотреть на нее не могу! — простонал парень.

Дед ехидно усмехнулся.

— Эх, избалованное поколение! — зашамкал он. — Мало тебя отец с матерью лупили!.. И за это спасибо Коменданту! Он — как отец род-

ной. Кабы не он, перегрызлись бы мы все за ложку похлебки, ей-Богу, да... Он — голова!.. Его заботами мы имеем тарелку каши, слава Богу. Или ты хочешь перекочевать к изгоям? У них и того нету...

Дед пел привычную для рядового холуя песню. Дифирамбы в честь Коменданта поощрялись. И навязывались. Стаса от этого всегда тошнило, и чем дальше, тем больше. Не научился он подхалимничать. Да и настроение в последние дни такое, что жить не хочется.

— Отец родной, говоришь? — вырвалось как-то само собой. — Вижу я, какие щеки у нашего отца и у членов партии!.. Себе, наверное, ни в чем не отказывают!

— Молчи, сопляк! — взвизгнул дед, видать, испугавшись.

А чего испугался? Ведь не он глупость ляпнул! Наверное, интонация его напугала. А реагировать надо правильно. Вот и пнул ногой табурет, на котором сидел Стас, да так сильно, что едва сохранил равновесие. Каша из ложки плюхнулась на пол. Стас сжал зубы, и желваки на скулах вырисовались более рельефно. Но сдержался, не засветил между глаз этому блюдолизу (пусть благодарит за это свой возраст).

Громыхая кирзовыми сапогами, сразу же появился вооруженный охранник с автоматом Калашникова наперевес — из той же партии Коменданта. Вырос, как из земли. На рукаве камуфлированной куртки — красная повязка, отличительный знак партийца. В убежище таких было около тридцати. Все они входили в ближайшее окружение Коменданта, держали остальных в ежовых рукавицах и жили в дальнем отделении убежища, куда простые смертные не имели доступа. Там же находились артезианская скважина, дизельная электростанция, запасы топлива, продовольствия и медикаментов. Так что на благосклонность власти мог рассчитывать лишь тот, кто воспевал коммунистический режим Коменданта. Такой холуй грезил иллюзиями в будущем тоже стать партийцем и, соответственно, пользоваться всеми привилегиями столь высокого положения.

Стас почувствовал на плече стальные пальцы охранника, сжавшие его до боли. Тот слегка приподнял парня и пнул его ногой. Стаса обдало холодком страха: может, зря он так резко высказался? Вырвалось как-то само собой. Как бы там ни было, ведь живет же он потихоньку в привычном мире. Многие и того не имеют. Неужели охранник услышал его дерзкие слова? Похоже, все вокруг слышали. А едоков вокруг деревянных столов было под шестьдесят. Слышал также вездесущий Тимофей Ильич, надзиратель, ближайший помощник Коменданта, который с орлиной зоркостью наблюдал за процессом приема пищи. Вид у него в последние дни был болезненный. Он все кашлял в носовой платок и украдкой поглядывал на окровавленный кусочек материи. Сам Комендант редко появлялся на людях. Его голосом и руками был Тимофей Ильич, которого все

боялись, как Берию при Сталине, и который обладал безграничной властью, вверенной ему вождем.

«Ну и достало все, — подумал Стас. — Сил больше нет терпеть такое жалкое существование!» Под укоризненные и презрительные взгляды средней прослойки (так назывались те, кто не был ни изгоями, ни членами партии Коменданта) Стас поплелся к выходу из столовой. Он не сутулился и не втягивал голову в плечи, как затравленный. Наоборот, весь его вид выражал протест.

— Тарелку забери, сопляк! — рявкнул сзади охранник.

Стас вернулся, взял посуду с остатками каши и вышел из столовой, чувствуя, как от слабости кружится голова. Боковым зрением заметил, как некий мужичок бережно соскабливает с грязного пола выпавшую из ложки кашу. Досадливо сплюнул.

Что же представляло собой убежище, ставшее не на один год домом для Стаса и других его обитателей? Черканем пару строк для справки. Еще в годы «холодной войны» на юге Украины, в окрестностях провинциального городка Олешки, был построен огромный засекреченный завод «Аметист», на котором производилось электронное оборудование для военной техники. После распада СССР объект пришел в запустение: электронное оборудование не востребовалось. Лишь с годами мощную базу завода вновь использовали для коммерческих и промышленных целей различные предприятия. Здесь, к примеру, размещался распределительный пункт сети продуктовых супермаркетов «АБВ». А обширные подвалы, задуманные при проектировании как бомбоубежища на случай ядерной войны, использовались под склады. Кроме того, в подвалах выращивали грибы в промышленных масштабах.

В связи с угрозой третьей мировой войны правительство издало указ о восстановлении всех убежищ, заброшенных или использованных не по назначению. Реанимирование пережило и Олешкинское убежище. И на оплачиваемую должность начальника назначили упоминаемого Коменданта, в то время члена райсовета народных депутатов. Впрочем, только часть подвальных помещений была переоборудована под убежище. Продуктовые склады и грибные плантации остались. Об этом шушукались обитатели убежища: мол, все это богатство после ядерной катастрофы прибрал к рукам Комендант.

Убежище состояло из трех автономных отсеков, соединенных между собою коридорами. Каждый отсек имел два выхода наружу — основной и аварийный, с защитно-герметическими дверями, со шлюзовыми камерами. Отсеки состояли из основного помещения, предназначенного для размещения людей, где находились вереницы трехъярусных нар, и вспомогательных, таких как санитарно-бытовые

отсеки, фильтро-вентиляционные камеры, кладовые для продуктов питания, медицинские комнаты, дизельные электростанции и т.п.

Со временем каждая каста образовавшегося после ядерной катастрофы общества заняла свою часть убежища. Элитное отделение прихватали себе члены партии, которые со временем перетянули на свою территорию все жизненно важные объекты. Крайнее, заброшенное отделение, не восстановленное полностью в предвоенный период, досталось изгоям. Отделение посередине окрестили средней прослойкой — так сложилось. И обитающие здесь люди по рангу находились посередине между привилегированной партийной верхушкой, самой малочисленной из каст, и совершенно бесправными изгойми, составлявшими большинство, и назывались середняками.

Просторное помещение середняков делилось перегородками на отсеки с трехъярусными нарами. В верхнем ярусе никто не спал — людей было не так уж и много. Там обычно хранились коробки и узлы с жалкими пожитками середняков. В средней прослойке царил холод и грязь, стоял устойчивый кислый запах. Извините, но кто будет мыть полы, если людям не хватает питьевой воды?

Воровали? Практически, нет. Комендант ввел строгие правила: если кого-то поймают на горячем — расстрел на месте. Поначалу люди восприняли это правило весьма скептически. Но когда Комендант расстрелял двоих, это вызвало шок, и больше никто не сомневался, что тот отвечает за свои слова. Вот с тех пор и не ворует никто.

Другие формы наказания казались людям не менее страшными, чем расстрел. Одна из них — выселение из средней прослойки. К изгойам. Об изгоях Комендант не заботился, им не выдавалась питьевая вода и пайка. Они были обречены на медленную смерть в дальнем отделении убежища. Но все же у них оставалась еще одна привилегия — свободный выход на поверхность. Заходить на территорию средней прослойки изгойам строго запрещалось. Они скитались по округе в поисках еды и питья, умирали от голода, жажды, болезней и от рук друг друга. Случаями каннибализма и суицида среди изгоев никого нельзя было удивить. Доведенные до крайней степени отчаяния, они скатывались к скотскому образу жизни.

Еще одна форма наказания — абсолютное изгнание. Такому человеку запрещалось появляться даже среди изгоев.

Теоретически общество, разбитое идеологией Коменданта на классы, могло видоизменяться. По крайней мере, любой изгой мог переселиться в среднюю прослойку, имел право стать членом партии. Конечно, только по решению комитета во главе с Комендантом. Но это только теоретически. На практике таких случаев не было. Стас не мог воскресить в памяти ни одного подобного случая. Состав партии в последние годы оставался неизменным. А вот представители средней

прослойки медленно, но уверенно пополняли касту изгоев. У Стаса создавалось впечатление, что в этом и заключалась политика партии — постепенно избавляться от лишних ртов.

Однако полностью избавиться от средней прослойки Комендант не планировал. Это было, бесправная рабочая сила, в которой всегда нуждается «справедливое» общество. В средней прослойке оставались люди, которые, по словам Коменданта, должны приносить пользу обществу, то есть «пахать». Причем делать это молча, безропотно, с рабской покорностью. А в разнообразной работе в принадлежащем Коменданту мире недостатка не было. Кто-то отправлялся на заготовку топлива. Местность в округе степная, к древесине надо относиться очень бережливо. Температура воздуха постепенно понижалась, природа агонизировала, и, следовательно, жизненно необходимые запасы древесины неуклонно таяли. А небольшие Екатерининские хвойные леса сгорели дотла в результате ядерного взрыва. Кто-то убирал, кто-то готовил, кто-то работал на свиноферме или выращивали грибы. Не партийным же боссам «пахать» на всех этих объектах? Достаточно, что они поддерживали порядок, судили, следили за соблюдением правил.

Из чего еще состояла жизнь убежища? Представителям средней прослойки и изгоем под угрозой расстрела запрещалось иметь холодное или огнестрельное оружие, а также боеприпасы. Стас же на свой страх и риск нарушил этот запрет, зашив под подкладкой куртки два патрона для охотничьего ружья. Зачем они ему? Пока не знал. Будущее подскажет. В конце концов, он не было, как бы ни хотелось того Коменданту. Завтра вождь поведет людей на скотобойню, как животных, чтобы пополнить свои продуктовые запасы, и многие безропотно покорятся его воле, с безвольно отвисшей нижней губой. Нет, Стас не такой! Шиш тебе, Комендант!

Помимо всего вышесказанного, жители убежища — середняки и изгой — обязаны сдавать имеющиеся у них спички, зажигалки — все, с помощью чего можно добыть огонь. По словам Коменданта, делается это во благо народа. В голове не вмещалось, в чем заключалось это благо, раз у людей отнимали последнее — право на очаг, на тепло, на жизнь! А попробуй, возрази! Что-то твякнешь вопреки — не получишь суточной пайки. Мало того, если у середняка находили спички, расстреливали без суда и следствия. В общем, все, кроме партийцев, довольствовались статусом бесправных рабов и ничего не имели.

Члены же партии были хорошо вооружены: «калаши», ПМ-ы и карабины — новенькие, смазанные, ухоженные. И самое отвратительное то, что эту политику Комендант прикрывал высокими лозунгами: дескать, такую жесткую позицию вынужден занять ради блага выжившего человечества, вверенного его попечению. Ведь в прошлом

веке диктатура пролетариата применялась как вынужденная мера для выживания молодой Советской державы! А середняки состязались между собой в пении дифирамбов за миску похлебки, пресмыкались, стучали друг на друга.

Стас варился в этой каше несколько лет. Хотя вначале не было так. Сплоченные страшной бедой, жители убежища делились друг с другом последним сухарем. Затем Комендант бомбоубежища, окруженный личным составом обслуживающего персонала, начал вводить разные ужесточающие правила. Он оказался хитрым и ловким человеком, что позволило ему быстро подмять под себя выжившую в убежище маленькую цивилизацию. Сделать это было несложно: все рычаги — вода, еда, оружие и медикаменты — находились в его руках. Никто уже не помнил ни его имени, ни фамилии, называли его просто Комендантом, ведь до войны он был никем — пустым местом. Так что в новом мире слово «Комендант» начало ассоциироваться с культом царька-тирана, которого приходилось называть благодетелем.

Идея создания Коммунистической партии воплотилась в жизнь легко и естественно. До ядерной катастрофы Комендант возглавлял олешкинскую ячейку Компартии Украины. Убежденный коммунист — тухлая отрывка просроченной идеологии, отравившей когда-то пищеварительную систему человечества. Но перебродившие умы коммунистической эпохи его по-прежнему пьянили. В новом же мире, пусть даже гораздо меньшего масштаба, с его «тяжелой» руки человечество вновь наступило на те же грабли. И Коммунистическая партия жадно вцепилась в штурвал. Верила ли она, что сможет привести общество убежища к светлому будущему? По крайней мере, можно сделать светлым свое настоящее, даже на фоне царящего вокруг радиоактивного мрака. Но это, так сказать, между нами, партийцами. Тсс!.. Быдло об этом догадываться не должно.

Серое вещество в голове Стаса шевелилось хорошо — уж его-то он использовал по назначению! Много читал — без пищи для ума не мыслил существования. Поэтому никак не мог понять окружающих, равнодушных к книгам, к справедливости, к своим правам. И в шутку называл себя последним читателем и мечтателем вымирающего мира. Свободный полет мысли — это все, что у него осталось. Молодой мечтатель любил свободу и ненавидел рабство в любом его проявлении. Поэтому был горд своей настоящей фамилией — Ветер. Она выражала его сущность. Ветер всегда свободен, кружит над землей, летит, куда хочет. Его нельзя заковать в кандалы, посадить на цепь, закрыть в подземелье. Вот и Стас сорвался бы и улетел, хоть куда-нибудь — да вот даже в Киев на поиски уцелевшей цивилизации. Станислав Ветер — как звучно. С такой фамилией не требуется

никакой кликухи (а широко распространенную фамилию приемных родителей «Петренко» он никогда всерьез не воспринимал).

Но Комендант не любил вольнодумцев. Если бы мог, он ввел бы цензуру и на мысли. Оттого внутренность свободолюбивого юноши постоянно бурлила — не соглашалась на участь безгласного животного, скота, раба. Партия, которая по своей сущности должна заботиться о рабочих, простых людях, была занята лишь собой. Но политические взгляды здесь, в общем-то, ни при чем. Просто человек должен оставаться человеком в любых условиях. А жители убежища об этом, как правило, не заботились. Зверю или скотине легче выжить в создавшихся условиях, потому выглядел Стас белой вороной всякий раз, как только открывал рот, чтобы высказать свои мысли. Общество старалось отторгнуть его, как нечто инородное. Он не вписывался в созданную Комендантом систему и, следовательно, не мог находиться в ней долго. Либо система должна была измениться, либо он.

Некоторые середняки даже обзывали его слюнтяем и слабаком. И Стасу несколько раз приходилось отстаивать свое достоинство с помощью кулаков. А драться его учила жизнь с раннего детства. В уличных потасовках поначалу он постоянно получал по шее. Но потом понял секрет победы — не бояться боли. Всегда срабатывало! И среди сверстников за Стасом закрепилась репутация отчаянного уличного сорвиголовы, которому все по барабану и который всегда одерживает верх. Позже и кулаки не нужно было применять: на него работала репутация.

В убежище приходилось квасить носы середнякам — на коммунистов руку поднимать нельзя. А так хотелось! Мужики же — странные создания: уважать не будут, пока по физии не получат. Так что Стасу иногда казалось, что рукоприкладство — вернейшее средство изменения сознания. В общем, его не нужно было долго упрашивать. Чуть что, дал в рыло — и дело в шляпе! Вскоре о нем разошлась молва: лучше такого не трогать. Он ненормальный! А тронешь, прикрывай пятак — будет не так больно. Получившие разок отпор больше не считали его хляком — птенчик, говорили, оперился и стал орлом.

Стас подошел к своему отсеку. Он спал на втором ярусе. Молодой, легко взбираться. Сегодня вечером — дежурство у буржуйки. Спать во время дежурства — строго запрещено. Но что очень нравилось Стасу в этих вахтах, так это прогревать у огня хронически озябшие кости. Да наблюдать, с каким оптимизмом языки пламени поглощают дровашки. Им и конец света нипочем, точно! Век бы смотрел на их работу. У очага и душа слегка отогревалась. А душевное тепло в нынешнем веке, как и оптимизм, в большом дефиците — наверное, даже в большем, чем еда и вода.

Осмотрелся по сторонам — никого, все доедают пресную кашу. Из-под подушки достал срезанную полиэтиленовую бутылку и аккуратно пересыпал туда кашу. Потом сунул бутылку за пазуху (просторная потертая куртка скрыла посторонний предмет) и направился к выходу.

В последние месяцы он зачастил к изгоям, за что середняки на него шипели и шикали похлеще, чем как гуси. Ну и пусть шипят — ему фиолетово. К отсекам изгоев вел длинный коридор. На парня свысока смотрели два охранника с красными повязками на руках. Ходить к изгоям не запрещалось, но считалось очень дурным тоном — там болели все поголовно. А откуда ослабевшим вконец организмам взять силы, чтобы противостоять микробам? Изгои жаловались на боли во всем теле, высокую температуру, диарею, тошноту; у некоторых открывалось кровотечение. Однако их жалобам никто не внимал. Лишенные медицинской помощи, они таяли подобно свечам и умирали. У погребальной команды в последнее время работенки прибавилось.

Спустившись по ступенькам, Стас оказался в темном затхлом помещении. Здесь стоял смрад гниющей плоти. Парень знал: такой запах исходит от незаживающих язв. А если кто и помер несколько дней назад, кому до этого есть дело?! Кто обратит внимание? Изгои свыклись с этим запахом.

Постоял немного, пока привыкли глаза, и направился по известному ему маршруту. На узких нарах лежали больные. Кто-то кашлял, изрыгая проклятия, кто-то стонал. Остановившись в дальнем углу, гость осмотрелся. Здесь «коптила небо» его знакомая, старше Стаса лет на двадцать. К ней он и приходил сюда почти каждый день. Из-за болезни и истощения женщина редко вставала с лежанки. Как и многие другие, ждала смерти.

Познакомился с ней Стас случайно. Однажды от скуки потянуло его посмотреть, как на самом деле живут изгои. Ведь выживают же как-то! И не один год, хотя Комендант и не поддерживает их существование. Познакомившись с жизнью изгоев, Стас пришел к выводу: если где-то и существует ад, то это здесь. Тут царила полная безнадега. Люди отбросили все ограничения, благодаря которым человек остается человеком. Испражнялись и спаривались на глазах у всех, как собаки. Больные плевались кровью и изрыгали проклятия, кляня всех и вся, от Коменданта до Господа Бога.

А вот Лена была другой. Только вот Стас не сразу, но смог понять, что отличает ее от остальных. Она сильная, а сила всегда притягивает и вызывает уважение. И не злая. Странно, ведь все вокруг озлоблены! Добрая? Вроде бы нет. Но не злая, и это уже очень непривычно. Даже здесь, во мраке безверия, Стас видел людей, которые кичились тем, что они не такие, как все. Морально выше! Парню всегда казалось: притворяются — чувствовалась фальшь. На самом деле такое же г...,

как остальные. Только надави, и полезет. Но г... иногда чувствует себя лучше, утверждая, что от других смердит еще похлеще.

Лена же действительно казалась на голову выше остальных, чище, что ли... это не раздражало, не чесались кулаки. Причем она к этому не прилагала никаких усилий. Она просто была такой. Вот-вот!.. В том-то и «корневое корневище вопроса»! Она была такой! Каждый человек должен быть самим собой; не надо изображать из себя клизму, если ты — пипетка. А для нее душевная чистота естественна! Откуда у нее это? Откуда она черпала внутренние силы? Читала что-то? Знал по себе: подобную силу могут дать некоторые книги. Наткнешься на что-то стоящее — и, глядь, уже парим в высоких материях. Клево! Книги способны вдохновлять, формировать, изменять. А народ разучился читать, скотина!

Вот и влекло парня к этой женщине-изгою. Наверное, сам до конца не понимал, что ее присутствие согревало ему душу покруче буржуйки. Если же эта внутренняя сила от книги, то что она читает? Тайна за семью печатями! Приходя, надеялся выведать.

— Привет, Лен, — с оптимистической улыбкой произнес Стас, присев на край лежака.

В общении с этой страдальницей старался вести себя «лихо и придурковато» (как когда-то рекомендовал Петр Первый), чтобы не грузить лишний раз — ей и так не сладко!

Женщина медленно открыла глаза, и кривая ухмылка скользнула по бледному, худому лицу:

— Привет, привет! У нас в гостях — ангелы?

Глядя в ее затухающие глаза, Стас вновь подумал: это сильная личность. Сохранять сердечную доброту в такой среде и даже улыбаться может только сильный человек. Это, наверное, тот магнетизм, который и влек к ней. Луч света в темном царстве...

— Бог опять прислал тебя. Ты принес немного тепла, — сказала она.

— Бог? — переспросил Стас и оглянулся. — Меня никто не посылал. Я сам пришел.

Лена закатила глаза: мол, какой твердолобый, не понимает элементарных вещей.

— Объясняю на пальцах: Бог проявляет себя через людей. Он ищет тех, через кого сможет проявиться...

— И какой же Он, твой Бог? Что хочет проявлять?

— Тебе интересно? Бог хочет проявить любовь. Что смотришь? Варежку захлопни... Не веришь? Дело твое...

— Как можно любить всех людей, когда одно дерьмо кругом? — искренно возмутился Стас. — Достойных любви так мало...

На этот раз по лицу Лены скользнула хитрая улыбка.

— Я кое-что расскажу, хочешь? — сказала она, и Стас весь подобрался.

Эта женщина всегда рассказывала какую-нибудь простую историю. Стас чувствовал: ее истории способны изменить жизнь. Такого даже у Толстого сразу не сыщешь — надо сотню страниц перелопатить. Записать бы эти рассказы в книгу. Наверное, ради них он и приходил. В мрачном мире бомбоубежища так мало по-настоящему ценного. А Ленины истории — сокровище!

— Дело было перед войной, — продолжала Лена. — Я тебе про Настеньку рассказывала? Нет? У меня была дочурка, Настенька. Ну, солнечный зайчик, радость каждого дня. Я тряслась над ней — сам понимаешь, беззащитная крошка, хрупкий лепесток. А кудряшки какие, особенно после купания, — ну, чистый одуванчик! Она — все, что у меня осталось, когда муж бросил. Так вот, мы ехали в Киев. Я же всегда наблюдала, как орлица, кто рядом с ней. Ну, оберегала, чтобы никто не навредил, не напугал, не повлиял дурно. Заходим мы, значит, в купе — здрастье, я ваша тетя! Сидит вонючая дамочка, неприятная такая, тучная, с бородавками, отвисший подбородок оброс щетиной. Я тебе правду говорю — несет, как из помойки или от бродячей собаки! Грешно, конечно, гнать на людей, но я ее сразу окрестила Жабой. И с этой Жабой нам колыхаться до самого Киева. Гляжу я на нее, и мысли приходят крамольные: как такую можно любить? Голос — как скрипучая форточка. Смех — хриплое карканье вороны. И не могу найти в ней ничего такого, за что ее можно любить. Ну, и думаю себе: есть все-таки люди, не достойные нашей любви. И таких — много. Почти все. Приехали в Киев, значит. Вокзал, метро. А время уже беспокойное. Российские войска вошли в Киев. Ну, помнишь? На улицах кошмар что творится: битые витрины, обгоревшие машины, милиция загребает всех подряд. А я трясусь над своим золотом — как бы не попасть в какую-нибудь передрыгу. А людей в метро — тьма! Столпотворение! Давка! Чуть ли не паника. О, здрастье, и наша Жаба тоже здесь! Опять она воздух портит! Нигде спасу от нее нет! Ну, давка; мы, значит, протискиваемся к вагону. Я Настеньку впереди толкаю, чтобы не потерялась. У нее рюкзачок был в виде медвежонка — очень ей нравился! А малышке-то и четырех нет. Люди же словно с ума сошли, лезут друг на друга. Давка — особенно у самого вагона. Одним словом, как я ни старалась, но меня от Настены оттерли. Смотрю, рюкзачок впереди — прыг-прыг, и дверь вагона за ним захлопнулась!.. Ребенок кричит, маму зовет. А поезд — ту-ту, и уехал... Боже, что со мной творилось! Все рухнуло! Потерявшихся детей и в мирное время нелегко найти, а тут... Несколько минут, пока подъедет следующий состав, длились вечно. Но я молилась. И пусть кто-то попробовал бы меня оттеснить! Я была как разъяренная львица. Вошла в вагон, слезы текут, ноги не держат.

Ну, когда же эта следующая станция?! Наконец поезд остановился, открылась дверь. Смотрю, на перроне стоит Жаба...

Лена перевела дыхание: устала после длинного монолога.

— А Настя? — нетерпеливо спросил Стас.

— Жаба... — продолжила Лена и улыбнулась, — держала за ручонку мою Настену! Вот тебе и вонючка! Она, оказывается, смекнула, что делать. Жаба спасла мою дочку. А ты говоришь: «не все люди достойны нашей любви». Нахлопать бы тебе по ушам за это! Теперь эта Жаба казалась мне самой прекрасной женщиной в мире. А запах ее — так это же сушая ерунда, мелочь! Я хотела ее расцеловать. И... как мне было стыдно!.. Хорошо, она не знала, что я думала в поезде. Вот тебе и Бог...

— Да, не стоит судить о книге по ее обложке, — задумчиво протянул Стас-книголюб. — В наше время все пахнут, как бродячие собаки, даже хуже — кроме коммунистов. Хм, всех любить... На это надо слишком много сил!..

— Не парься! — отрезала Лена. — Это невозможно... без Бога. Скажу тебе несколько умных слов, не обессудь: луна не имеет собственного света. Ну, ты ж в школе учился? Она отражает солнечный свет. И если нет туч, луна такая яркая! Что такое человек, чтобы мог любить? Не смешите мои подковы. Человек может только отражать... Бога!.. А больше ничего и не нужно...

— Отражать Бога? Странно это! — сказал Стас. — Небо всегда затянуто тучами, солнца не видно — так, расплывчатое пятно. Мне кажется, что и Бог отвернулся от нас. Как же Его отображать в смутное время? Где Он?

— А ты не бойся темноты. В крошечной тьме даже тлеющий уголек кажется ярким светом. Глаза привыкают — и ты все видишь в его свете, — загадочно проговорила Лена и улыбнулась.

Стасу в этот момент показалось, что от ее лица действительно исходит свет — такой многозначительной была ее улыбка.

— Ты видишь Бога? — изумился Стас внезапной догадке.

Лена кивнула.

— Как?

— Глазами сердца...

Наступило молчание.

«Вынос мозга!» — мысленно подытожил Стас, переваривая услышанное.

Лена закатила глаза и произнесла, словно в бреду:

— С нами случаются неприятности, и мы обижаемся на Бога. А на самом деле Он отводит от нас беды...

Беседы с Леной всегда были событием. Ее слова напрягали несмазанные шестеренки в мыслительном механизме, сыпалась труха, ржавчина, но в сознании происходили сдвиги. Хотелось расспросить

о Настеньке, но не стоит — тема деликатная. Многие потеряли родных, близких. Зачем сыпать соль на рану? Но что-то обнадеживающее сказать хотелось.

— Может, Настенька с отцом? — предположил Стас и лишь потом подумал, что ляпнул глупость.

Лена же с интересом приоткрыла глаза и сказала:

— Нет, ее отец — здесь, в убежище...

— В убежище? — удивленно переспросил Стас, но углубляться не стал — как бы опять не сказать чего-то лишнего. Если Лена посчитает нужным, сама скажет.

Лена же продолжила:

— Ты его знаешь. Его все знают. Это Комендант...

— Ко-мен-дант? — изумленно переспросил он, выделяя каждый слог. — Я не понял! А он знает о твоём положении? Может, поговорить с ним? Зачем так страдать?!

Лена отрицательно покачала головой.

— Это бесполезно, — ответила она. — Я здесь в основном благодаря ему.

Внутренность Стаса вскипела.

— И ты говоришь, надо всех любить? — возмутился он. — Значит, и его?

Стас сжал кулаки — зачесались. Добраться бы до этого гада и... и так дать, чтоб мало не показалось! Лена задумалась. Но ее лицо не омрачилось ни горечью, ни обидой, ни ненавистью.

— Эй, хватит кулаки чесать, — сказала она. — Скажу тебе серьезно: человек создан по образу и подобию Божьему — так написано в Библии. Божий образ в каждом из нас — как драгоценная хрустальная ваза. Только разбитая. На заре человечества произошла беда — Библия называет это грехопадением. И тогда ваза разбилась. Так вот, каждый падший человек носит в себе осколки драгоценного сосуда. Да, мы все плохие — разбитая ваза никуда не годиться. А как же Божий образ? Обломки!.. Обломки-то остались!.. И если промелькнет хотя бы маленький осколочек — человек отображает Бога. И тогда его легко любить, им можно любоваться. Историй я тебе могу много рассказать — не переслушать. Однажды я видела алкоголичку, которая, рискуя собственной жизнью, спасала котенка — маленького, худого, облезлого. Кому нужен этот полудохлый заморыш? Но не те ли это обломки Божьего образа, о которых я тебе говорю? Так и в Коменданте.

— Например? — отозвался Стас после длительной паузы.

— Его сердце черствое и жестокое. Но я помню: Боже мой, как он любил Настеньку! Для нее он бы и горы свернул, и жизнь отдал. Это нас объединяло — любовь к дочке. Его глаза сияли, когда он держал ее на руках. В такие минуты я могла им любоваться. Он и сейчас ее сильно любит. Он меня и гноит за то, что, дескать, не уберегла дочь, потеряла. Вот и сама подыхай...

Устав говорить, Лена замолчала. Отдыхала.
Осмотревшись, Стас чуть слышно произнес:

— Я принес немного еды...

Затем незаметно достал пластиковую бутылку и сунул под грязные лохмотья, прикрывающие тело женщины. Мало-мальски приличного одеяла, которое Стас притащил прошлый раз, уже не было — отобрали. На пальцах осталось что-то липкое. Бросил украдкой взгляд. Кровь.

— Мне заступать на дежурство, — сказал он извиняющимся тоном.

— Я — хранитель очага, — улыбнулся. — Мне пора идти. До свидания...

— Прощай, — ответила Лена.

— Прощай? Я еще приду...

— Мы больше не увидимся. Подожди секундочку. Ты говорил, любишь читать. У меня кое-то есть.

С этими словами извлекла из-под подушки небольшой толстый томик в затертом кожаном переплете.

— Держи, это тебе...

Стас неимоверно обрадовался книге. Теперь он точно узнает, что читает Лена.

— Я верну! — сказал он. — Я быстро читаю...

Лена отрицательно покачала головой. Затем пристально всмотрелась в его лицо. Странно так всмотрелась, как древние прорицатели. Как будто увидела будущее, почувствовала его.

— Теперь это твоя Книга, — тихо сказала она. — Здесь все равно все скоро перемрут, и этот кошмар закончится... А ты...

— Что я?..

— Обязательно пройди по тонкому льду...

— По какому такому льду? — Стас недоумевал. По спине пробежали «мурашки». Лена впала в прострацию? Бред?

— Поймешь, когда увидишь. По тонкому льду — на ту сторону. Длинная дорожка по тонкому льду. Корка трещит, ходит ходуном. Но ты не бойся, лед выдержит.

Помолчала, собралась с силами, продолжила:

— Когда долго думаешь о Боге, начинаешь слышать... Его голос. Бог сказал мне, что Настена жива — поэтому я улыбаюсь. Но она совсем ребенок. Кто поможет ей? И еще: у тебя искреннее сердце, сохрани его...

Парень сунул книгу за пазуху, встал и почувствовал, как закружилась голова и потемнело в глазах. Видать, из-за недоедания. Ведь последнюю неделю он почти ничего не ел. Похлебка Коменданта в горло не лезла. А после знакомства с Леной старался пайку приносить ей. Делал ли это из сострадания? Не только, хоть и в нем, наверное, тоже есть обломок этой драгоценной вазы. Просто переклинило, когда Димке Цикаде запретили нормальную музыку играть. И предался

голодовке — как бы в знак протеста. Мол, не скотина я, чтобы терять остатки достоинства из-за похлебки. Пусть Комендант сам ее жрет. Как можно хлебать эти помои, когда в такой беде Лена и прочие изгои, когда Димка Цикада ходит по подземелью, как зомби, когда люди облизывают грязный пол, на котором валяется кусочек каши?

Охранники впустили Стаса на территорию средней прослойки. Чистенькие, выбритые, одежда с иголки. И не воняет от них, как от обычных жителей подземелья. Видно, что и купаются и стираются. А людям выдают литр воды на сутки. Хочешь — пей, хочешь — смотри. Похоже, Комендант решил экономить доступные ему через артезианскую скважину подземные воды. Или делает это умышленно, чтобы держать людей в ежовых рукавицах?

— Меньше бы ты туда совал нос, пацан! — сказал один из них хриплым прокуренным голосом. — А то еще заразу какую-то принесешь.

— Точно, — вторил другой. — Надо что-то с этим делать. Может, заложить этот коридор к чертовой матери. Надо с Тимофеем Ильичом поговорить и прекратить эти похождения. Или оставайся уж лучше там, пацан, если тебе так нравится!

Стас ничего не ответил, угрюмо побрел вдоль коридора.

Смену у буржуйки сдавал дед Тесля. Этот постоянно изображал энергичного, полного сил человека, чтобы его, как отработанный материал, не причислили к изгоям. Старик выглядел комично: как пьяный, изо всех сил изображающий трезвого. Хотя для него причисление к изгоям было вопросом времени. Недалекого. Раньше дед ходил с другими середняками собирать древесину. А как перестал справляться, поставили к буржуйке.

— Значит, вот твоя охапка дров, — бодренько говорил дед. — Смотри, экономь, молодо-зелено. А ты что в столовой язык распустил? Эх, дурья твоя башка!.. Жить — это тебе не мыло по тазику гонять...

Стас расписался в вахтенном журнале — принял, дескать, у Тесли горящую буржуйку — и уселся напротив очага в удобном старом кресле. Тесля отправился отдыхать, бодро напевая пионерскую песенку: «Взвейтесь кострами, синие ночи. Мы — пионеры, дети рабочих!..»

Молодится, старый пень.

Буржуйка находилась в отдельной комнатушке. Площадь маленькая — прогревается хорошо, не как в прочих отсеках, где всегда зябко. Не служба — лафа! Читать во время смены запрещено. Но Стас все-таки решил хоть одним глазком заглянуть в книгу Лены. Посмотрев на дверь, достал из-за пазухи томик, раскрыл и присвистнул от удивления, смешанного с восторгом. Елы-палы, да это же Библия! Ой-ой-ой!.. Не читал. А очень интересно. Но рисковать нельзя. На досуге просмотрит. Покачал головой в такт своим размышлениям и сунул книгу обратно в нагрудный карман.

Обвел взглядом скучную утварь дежурной комнаты и остановился на вахтенном журнале — потрепанной тетради. Если он периодически о чем-то и мечтал, так это о карандаше и тетради. Раньше, в довоенное время, любил «самовыражаться» — сочинял стихи, рассказы. Друзья хвалили. Ух, как нравилось из слов вычеканивать фразы, потом оттачивать их. Чувствовал себя скульптором, работающим не резцом по камню, а пером по бумаге. Но в нынешнем веке и такие атрибуты цивилизации, как тетради и ручки, — в большом дефиците. А жаль. Так хотелось черкнуть пару строк последующим поколениям, если таковые будут. Да так, чтоб на века. Сильно... ну... как в морду дать! О чем? Наверное, о смысле жизни, о чем-то стоящем, что человека делает человеком.

Встал, чтобы подбросить щепок в буржуйку. Обратил внимание: Комендант на смену выдает все меньше дров, экономит. А ты растягивай, как хочешь, но очаг погаснуть не должен. Если погаснет, виновника ждет строгое наказание. Какое, Комендант не говорил. Наверное, как минимум, причислят к изгоям. В глазах вновь потемнело. Голова закружилась сильнее. Мир поплыл вместе с буржуйкой и вахтенным журналом. Сделал несколько шагов в сторону буржуйки, покачнулся и рухнул.

Лежал неподвижно. Долго. Со стороны отсеков через громкоговоритель доносилась декламация трудов Ленина. Потом играла патристическая музыка коммунистических времен — обычное дело перед отбоем. На этом фоне орали охранники, наводили порядок — тоже дело привычное.

Огонь в буржуйке некоторое время тлел, потом погас...